

Кристина Выборнова

В окружении
любящих...

18+

Расследования Колина Розанова

Кристина Выборнова

В окружении любящих...

«Автор»

2026

Выборнова К.

В окружении любящих... / К. Выборнова — «Автор»,
2026 — (Расследования Колина Розанова)

В сильную жару умирает богатая старуха Щевелева. Смерть выглядит естественной, и все же что-то не так. Капитан Розанов с коллегами берется за расследование и быстро понимает, что это вовсе не то дело, где трудно найти подозреваемых. Потому что многочисленные родственники умершей, в окружении которых она доживала последние годы, подозрительны все как один...

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В окружении любящих...

Часть 1

Это лето выдалось не очень-то приятным. Женек шутил, что в честь нашей с Ксюшкой женитьбы у природы поехала крыша: попросту говоря, уже в течение полутора месяцев стояла адская жарища. Мы допрашивали потных свидетелей и ловили распаренных, еле бегающих бандитов, солнце пекло, деревья сохли, дождя не было. Граждане на улицах смахивали на ходячие грибы, потому как почти поголовно вделись в громадные мексиканские шляпы и широкие кепки. Я пока что ходил с непокрытой головой, частично из-за забывчивости, частично от своей непривычки к головным уборам, и хотя жару я обычно переношу неплохо, все равно чувствовал, что в этот раз, пожалуй, меня надолго не хватит. К тому же, как всегда у нас, начали гореть подмосковные леса, и по всему городу воцарились плотный смог и удушливая вонь. Приятным среди этого было лишь то, что мы с Ксюшкой теперь почти не разлучались: поскольку в ее институте были летние каникулы после сессии, я пристроил ее к нам на временную подработку в архив.

- Вот видишь, - говорил я Ксюшке, когда мы, кашляя, короткими перебежками из тени в тень шли до работы. - А ты говорила, что лучше жениться летом. Глянь, на какую печку бы мы себя обрекли, и учти прически, костюмы и платья.

- Ну я бы точно вот так пошла, - рассмеялась жена, дергая за подол свой ультракороткий сарафанчик. - Как раз платью белое. И волосы тоже зализала бы, как сейчас, никаких распущенных. И никакой косметики: все равно потом смоет. А ты-то, между прочим, до сих пор ходишь в джинсах, да еще и волосы не собираешь. А они у тебя темные. Хоть кепку бы надел, что ли, ведь солнечный удар же будет!

- Да, может, и надо, - согласился я рассеянно, уже переключившись на обдумывание рабочих моментов. - Но придется ее специально покупать, а то у нас дома есть только сеструхина кепка в цветочек и моя драная маскировочная, в которой я огорожника изображаю...

Ксюшка, в этот момент повернутая ко мне спиной и открывающая дверь отделения, откинула голову назад и рассмеялась, косясь на меня. Я обнял ее и развернул к себе лицом. Дверь захлопнулась обратно. Но на поцелуй мы не сподобились, потому что к нам как раз в этот момент подбрела усохшая от жары Каргень. Поглядев на нас, она испустила тяжкий вздох и, вцепившись в ручку, начала тянуть на себя тяжелую дверь. Ксюшка смутилась и потихоньку выбралась из моих объятий. Я сказал:

- Здравствуйте, Вера Николаевна. Хорошая адская погодка, не правда ли? Да чего вы мучаетесь, давайте я открою, мы же все равно туда же.

- Да? - проворчала начальница. - Я бы не сказала по вам, что вы собирались войти. Я вам сто раз предлагала, Розанов, оставлять ваши взаимоотношения дома.

- Спасибо, но мне не очень нравится это предложение, - отозвался я вежливо, открывая-таки дверь.

- А если это будет приказ?

- Больше он мне от этого нравиться не станет.

- Господи боже мой, - вздохнула начальница и, больше ничего не прибавив, первой ушаркала во тьму холла. Непривычная Ксюшка, конечно же, сжалась от начальственного недовольства, поэтому сделала руки по швам, состроила серьезную мину и таким столбиком пошла рядом со мной, держа расстояние между нами около полуметра.

- Ну и чего ты дергаешься, - сказал я ей. - Какое Карге дело до нашего поведения, если есть результаты расследований.

- На результаты она тоже ведь ругалась, - мрачно напомнила жена. – Говорила, что у тебя внимательность упала раз в десять.

- Ну и чего? Я один тут, что ли, работаю, я не пойму никак? Пусть меня остальные более внимательные пятьдесят человек поправят. Если, конечно, дело не в том, что моя уменьшенная внимательность все равно выше, чем их максимальная.

- От скромности ты не умрешь, - хихикнула Ксюшка и, видимо, забывшись, взяла меня под руку. Я пожал плечами.

- Да, я тоже надеюсь, что это все-таки моя хвастливость, а не объективный факт...

Рабочий день покатился своим чередом. Кроме всяких мелких забот, нас еще до кучи вызвали на квартиру к какой-то умершей старухе. Вообще-то, это было вовсе не дело нашего специфического подразделения: даже судя по краткому и похожему на результат игры в испорченный телефон сообщению дежурного, бабка, скорее всего, скончалась от сочетания преклонного возраста с жуткой жарыщей, что было совсем неудивительно. Однако из этого же сообщения нам стало понятно, что бабка была, так сказать, не простая, а золотая. То есть попросту - богатая вдова какого-то чинуши. Скоропостижно скончавшись, она не успела оставить все свои богатства какому-то родственнику, и родственник, возмущенный этим обстоятельством и имеющий связи в полицейских кругах, вызвал нас.

Мы поперлись. Пришлось как следует настояться в пробках, поскольку умершая проживала в громадной Сталинской многоэтажке в центре Москвы. Подъезжая к ней, я ожидал увидеть огромные лестничные пролеты, здоровущие барельефы на стенах, потолки по пять метров высотой – и, конечно, все это и увидел. Со мной на выезде были Женек, Андрей и прихваченная, чтобы не скучно было, Ксюшка: они, поднимаясь за мной по великанской лестнице, вертели головами и издавали какие-то неразборчивые звуки, провоцирующие эхо.

- Здорово, да? – обернулся я через плечо. – Акустика почти как в зале. Можно петь что-нибудь классическое, хорошо будет звучать. Что день грядущий мне готовит...

Хотя эту фразу я спел вроде бы негромко, мой голос, казалось, воткнулся в дом и расколол его пополам. Мы все невольно приостановились и пригнулись.

- Ой, Колин, тише! – взмолилась Ксюшка, закрывая ладонями уши. – У тебя и так голос звонкий!

- Да, братан, тут надо чего-нибудь поотрывистей, рэпчик какой-нибудь, - предложил Женек и затянул фальшивым шпанским голосом:

- Я вырос на окраине рабочей, городской!

- Ой-ой-ой! – рывкнуло эхо.

- ... То не вечер, то не вечер, - допел я машинально.

- Ребята... - пробормотал Андрей. – Колин...

- Парнишка в модной кепке, зуб потерял золотой! – надрывался Женек, войдя в раж.

- Жень, слушайте...

- Я полюбила красивого, но сумасшедшего! – вдруг заголосила Ксюшка, поднял лицо. Я не обиделся, потому что знал, что это просто песня, и мы вместе затянули:

- Сумасшедши-ий! Не моя вина-а...

- Черный Бумер, черный Бумер... - дошел до припева Женек.

- Ребята!!! – вдруг перекрыл все наши экзерсисы дикий вопль Андрея. - Мы прошли вверх! Нам на предыдущий этаж!

- Чего же ты молчишь? – сердито поинтересовался Женек. Андрюшка только выразительно вздохнул.

Спустившись на этаж вниз, мы без труда обнаружили нужный холл по торчащим из него головам с ошарашенными физиономиями и разинутыми ртами. Ясное дело, это были родственники бабки, и они до того никогда не видели полицию, прибывающую в таком виде, да еще с песнями и плясками.

- Ага... - сказал я, оглядывая всю компанию. – Вы, значит, родные покойной Щевелевой? ... Ух ты, да я бы сказал, давно покойной. Как минимум неделя, скажи, Женек?

Коллега задумчиво потянул носом, подняв брови, будто дегустируя розу.

- Черт ее знает. При такой жарнице она могла и за три дня испортиться. Я, шеф, представляешь, вчера вечером на столе котлету оставил, а утром в восемь прихожу, а ее уже хоронить можно!

Я хмыкнул. Андрей тревожно поглядел на постные лица мрачных родственников и быстро сказал:

- Ну, давайте зайдем, посмотрим... Кому-нибудь респираторы из машины принести?

- Не знаю, если только сам хочешь или Ксюшке, мы-то привычные... - пробормотал я, осматривая дверь. – Это кто тут так автогенном порезвился-то? Слесарей вызывали?

- Да, - отозвался из-за моей спины кто-то из родственников хриплым, видимо, от вони, голосом. – Дверь была закрыта...

- Ну понятно... Андрюш, сан-эпид бригаду сразу вызови, пусть они тут все почистят, как мы закончим, а то в такую жарницу скоро весь дом будет через раз дышать... Предположительное время смерти известно? Кто-нибудь из вас с ней созванивался регулярно? – снова поинтересовался я у родственников. Те скромно потупились и промолчали. Наконец хриплый мужик, оказавшийся сумрачным небритым толстяком, одетым в пижонский черный костюм, сообщил, глянув на меня сквозь очки:

- Я регулярно созванивался с Региной Петровной, но в последнее время у меня было много работы, я возглавляю крупный холдинг, поэтому я позвонил ей вчера...

- ...Впервые за десять лет, - закончил я.

- За полгода, - бросил он холодно, глянув на меня мрачным запоминающим глазом. – До этого мы созванивались регулярно.

- Ври больше! – раздался неожиданный взвизг, и из родственной толпы выбралась тощая, безжалостно крашеная в перекисный белый цвет тетка: мешки под глазами, подрагивающие руки и замусоленное темное платье с пуговицами, застегнутое сикось-накось, поведали мне о ее долгой и основательной дружбе с алкоголем. – Ври больше! Да я когда с Региной Петровной говорила, она рассказывала, что Митька ей годами не помогает! А потом еще наследство хочешь, да? Те мало, что ли? Товарищи милиционеры, я инвалид второй группы, мать-одиночка, а у него два дома, три бассейна, в Турцию ездют! Кому, вот по справедливости, кому наследство нужно, а?!

- Вот не надо вот тут вот кричать! – завопила стоящая рядом толстенная, коротко стриженная и зверски покрашенная тетка, впиханная в узкие бриджи и потрескивающую цветастую кофточку. – Ты, Маринка, если бы пить-то бросила, ты бы себе семь таких домов бы купила бы уже! Так что не надо нам вот тут! Бедная она самая! Вон, Анечка отдохнуть съездить не может, квартира съемная, мать спилася вся! - она кивнула на бледную бесцветную женщину средних лет, стоявшую молча сжав губы. - Вон мы вчетвером - квартира в пятиэтажке без ремонту - живем! У меня давление, у Вовы нога! А ты кричишь... Инвалидка она!

- Да чего ты с ней вступаешь, Татьяна, - пророкотал седой мужик в свисающей складками серой майке и клетчатых шортах: не иначе это был тот самый Вова, у которого «нога». – Ты на нее наплюй. Мы тут разберемся сейчас.

- Чего-о?! – завизжала инвалидка второй группы, явно готовясь броситься на родственника с кулаками.

Конец этого увлекательного представления я досматривать не стал, только сказал:

- Женек, погляди тут за этими, чтобы не передрались, а мы пока на бабушку посмотрим. И ты, Ксюш, тоже оставайся, конечно.

Жена кивнула, прижимая к носу платок. Женька кивнул тоже, но с неохотой: удушливая квартира бабки явно представлялась ему на данный момент более привлекательным местом, зато я мог быть наверняка уверен, что никаким дракам он случиться не даст.

Мы с Андреем вошли в коридор. Вонь, конечно, нахлынула с новой силой, аж мурашки по коже прошли, но мое внимание почти сразу переключилось на осмотр помещения.

Квартира и вправду была не вполне стандартной для старушки: резная полированная мебель, всякие виньетки и статуэтки, хрусталь, серебро, китайские вазы, то ли настоящие, то ли поддельные, огромная музейная люстра с гирляндами висюль и стоящая повсюду современная техника от ввинченной в стенку плазменной панели до кондиционера в каждой комнате... Задним числом я понял, что мурашки по коже у меня прошли

вовсе не от запаха: кондиционеры исправно работали, нагоняя подходящий к случаю могильный холод.

- Хорошо, что включили их, а то бы еще хуже, наверное, пахло, - сказал Андрей.

Я кивнул и задумчиво протянул:

- Да, другое дело, КТО их включил? Андрюш, набери дежурных, спроси, переключали они что-нибудь?

Андрей кивнул и отошел в сторону коридора. Я, встав на цыпочки, попытался дотянуться до ближайшего кондея, понял, что моего роста не хватает и, зыркнув по сторонам, подтащил к себе ногой музейный стул с кривыми резными ножками и мягким кожаным сиденьем, на который и взгромоздился.

- Так, что это у нас... «Сони», значит. Ну и холодрыгой из него несет... Так, а вот и пульт... - я спрыгнул обратно, ухватил белый пульт, который валялся на полу у кровати, включил его и присвистнул, увидев сохранившиеся установки температуры:

- Ни черта себе! Это не бабуля была, а какой-то полярный медведь!

Температура стояла на минимуме, на четырнадцати градусах, хотя в большинстве кондеев ниже 16 вообще не бывает. Этот дорогуший, наверное... - Дежурная часть говорит, что ничего не трогала, - прервал мои мысли пришедший Андрей. - Родственник Щевелевой, этот, в костюме, сразу захотел вызвать нас, и они не стали голову морочить...

- Вот это интересный номер, - я показал ему пульт. - Как тебе нравится температура существования бабули?

- Низковата... - сказал Андрей неуверенно, дыша на руки.

- Да, низковата. А воняет сильно. Это значит что?

- Что смерть наступила еще раньше, чем мы думаем?

- Совершенно верно... Сейчас посмотрим на само тело, но я лично склоняюсь к двум неделям.

Усопшая бабка лежала на полу возле огромной, как аэродром, кровати, в последней из трех комнат, которая, видимо, была спальней. При виде нее уверенность в двух неделях у меня укрепилась. Задумчиво насвистывая сквозь зубы, я склонился над телом, осмотрел его визуально, после чего собрал волосы в хвост и натянул перчатки.

- Да, конечно, время поработало не на нас, но попытаемся понять, в чем дело...

В общем-то, все говорило о том, что смерть бабки была самой что ни на есть естественной: какие-либо повреждения отсутствовали, поза была похожа на позу вставшего с кровати и неожиданно упавшего человека, и одежда, то есть легкий халат, к этому подходила. На кровати валялись несколько баночек с лекарствами, пустая чашка на блюде, что-то вроде повязки на голову и загадочный черненький квадратный кусок пластмассы.

- Это что такое? - показал на него Андрей. - Может, от оружия?..

Я осторожно взял черный квадратик. По бокам его были крепежки, а в середине - странная круглая дырка.

- Похоже, часть от какого-нибудь пульта, благо их тут миллион. Собери все пульты и примерь к ним эту штучку. Только в перчатках. Так, поглядим лекарства... - я переместился к прикроватной тумбочке. - Гомеопатия, гомеопатия, БАД, чепуха, ерунда... А вот это я знаю, это посерьезнее. Да и это ничего себе. Похоже, сердце у бабки было совсем того. Ну-ка... - да, полпачки использовано, и, судя по всему, в разное время... Сердечница. А вот это от давления, тоже, между прочим, сильная штука.

- Ну вот, - сказал Андрей, поводя головой. – Жарко... Видимо, не выдержало сердце. Может, она потому кондиционеры так включила сильно, что ей плохо стало?

- Не знаю, Андрюш. С одной стороны, может, конечно. С другой – как-то это... Ну что, не нашел?

- Нет пока, но я еще в другие комнаты не ходил.

- У меня просто мысль возникла. Дай-ка эту штучку мне... Давай ее проверим на отпечатки пальцев?

Пока Андрей работал, я еще раз оглядел комнату по кругу, то есть по квадрату, задерживаясь глазами на различной технике. На деталь кондиционера не похоже, тем более, что он белого цвета, на деталь музыкального центра похоже еще меньше...

Тут мой взгляд упал на мирно стоявший на подоконнике радиотелефон. Он был весьма подходящего черного цвета: я, с трудом дотянувшись через кровать, выгреб его с подоконника и, повернув, сразу увидел характерные пыльные следы кружочка и пазы от крепежек.

- А, отбой, - сказал я Андрюшке. – Это деталь задней крышечки телефона, похоже, больше декоративная, чем функциональная. Хотя нет: ее, наверное, можно было использовать как крепежку, чтобы телефон к карману подвесить или что-то в этом роде... Давай на телефоне тоже отпечатки пальцев поглядим, мало ли...

Глядели мы недолго и выяснили две вещи: на крышечке были отпечатки пальцев самой бабки, а на телефоне вообще никаких отпечатков не было, потому что его кто-то тщательно протер.

- Вот так номер, да? – медленно произнес я, поглядывая на Андрюшку. – Что-то я согласен с этим, дай бог памяти, Митей: странная ненасильственная смерть. А ну-ка давай по всей квартире посмотрим, не вытирали ли еще чего.

Оказалось, что вытирали, да еще и как. Протерты были пульты, кондиционеры, гладкие поверхности типа столов и даже краны в ванной и на кухне. Впрочем, краны могла помыть и сама бабка, тут ручаться было трудно, но все вместе наводило на еще какие мысли.

- Так, - проговорил я, начиная двигаться к выходу из квартиры и на ходу прикидывая план действий. – Нужна распечатка звонков: кто звонил бабке и кому звонила она. Бабке судмедэксперта настоящего, а не недоучку типа меня: пусть посмотрит на предмет следов укулов и ядов, чем черт не шутит... Ну а пока давай спросим родственников, если они еще там друг друга не прикончили.

Родственники, как ни странно, были целы и не потрепаны друг другом: впрочем, глядя на их злобные рожи, я подозревал, что это целиком и полностью заслуга устало опершегося на стенку холла Женьки. Ксюшка со своим платком выглядывала с лестницы.

- Салют всем! – объявил я радостно, широким шагом выходя из квартиры и потрясая сложенными руками над головой. – Какое счастье вдохнуть относительно свежий воздух... Ну как вы тут? Нам бы поговорить с вами, лучше всего, с каждым по отдельности. Знаете что, а пойдемте-ка спустимся в комнату консьержки: вроде, я ее видел внизу...

Консьержка была тоже довольно дряхлой бабкой с суровым лицом. Высунувшись из своего прозрачного скворечника, она мрачно заинтересовалась:

- Это вы там шумели на лестнице?

- Полиция, - сказал Женек.

- И чего? Полиция как следует себя вести не умеет уже?

- Мы стараемся, - заверил я. – Впустите, пожалуйста, нас в гости: надо допросить родственников убитой Щевелевой. Кстати говоря, кто из них к ней приходил, вы помните?

- Ну, точно не упомяну, конечно, - призналась консьержка. – Мне кажется, кто-то бывал, но все разные люди: то мужчины, то женщины... Очень уж часто ни один человек к ней не ходил, а то я бы запомнила.

- Ну ладно, сейчас сюда люди будут заходить по очереди, вы на них внимательно поглядите и потом мне расскажете, может, вспомните кого. Кстати, записи с камер у вас ведь тоже есть?

- Ой, как вам сказать... Наверное, есть, но тут как раз по всей лестничной клетке ремонт был, камеры побелкой заляпали, потом меняли – в общем, и не знаю, что сохранилось-то.

- Ну как всегда, - кивнул я, не удивившись. Законы подлости работали безошибочно: когда нужно, все, что могло испортиться, обязательно портилось, а когда не надо, работало, как часы. За все года моей работы случаи, когда записи с камер действительно показывали нам что-то путное, я мог бы пересчитать по пальцам одной руки.

Комнатка консьержки оказалась небольшой, но с таким же высоченным потолком, так что создавалось впечатление, что мы сидим в поставленном на попа пенале. Рядком устроившись на аккуратно застеленном вязаной тряпочкой диванчике, мы послали Ксюшку пригласить нам свидетеля.

Первым к нам, конечно, прорвался Митя.

- Извините, но давайте побыстрее закончим, - сообщил он нервно, поглядывая на часы. – У меня встреча. Я не знал, что сегодня все так затянется...

Я кивнул и начал с места в карьер:

- Почему вы нас пригласили? Это дело не для нашего подразделения, тут и обычной полиции бы хватило.

- А вам не рассказали? История крайне мутная, официальная полиция либо не будет разбираться вообще, либо излишне предаст все огласке: ни то, ни другое мне не подходит, поэтому я воспользовался своими связями. Мне нужно, чтобы расследование провели потише, и чтобы эти люди не были похожи на полицейских, но и не сыщики, потому что у сыщиков мало полномочий... - он оборвал свой бесконечный поток разъяснений, видимо, заметив мою нетерпеливую гримасу, и заключил:

- Я не верю, что это естественная смерть.

- Почему?

- Да потому что у нее из квартиры исчезло множество ценных вещей! И это еще не все: один из ее банковских счетов оказался совершенно пустым!

- Ну, вещи, может, кто и вынес, - протянул Женек, почесывая голову. – Но вынести деньги со счета... Вы не думали, что она сама их и сняла?

- Может быть, она и сняла, а может быть, ее заставили!

- Все это, конечно, интересно, но почему вы вообще так радеете за банковский счет Щевелевой? – поинтересовался я, пристально глядя в Митины зенки сквозь его дорожные очки. Митя несколько смутился и, казалось, попытался изобразить скорбь, но на полпути передумал и сообщил по-деловому:

- У нас с Региной Петровной давно уже была договоренность. Она составила завещание, в котором квартира со всей обстановкой и один из ее банковских счетов отходили мне.

- ...И как раз с него деньги и исчезли, - закончил я.

- Совершенно верно, - вот теперь во взгляде Мити промелькнуло настоящее неподдельное горе. Практически всхлипнув, он уставился на нас и сказал:

- Не знаю, что вы думаете, но я думаю, что нужно вам объяснить обстоятельства. Наша семья – единственная, кто общался с Региной Петровной, и кто был, можно сказать, ее круга. Мы все – двоюродные братья и сестры: я, Аня, Таня и Марина – но, сами, наверное, знаете,

что родственник – это еще не значит друг. В общем, моя мать, сестра Регины Петровны, всегда с ней поддерживала хорошие отношения, мы общались, и еще при ее жизни была такая договоренность, что лучше пусть большая часть средств отойдет нашей семье, потому что, знаете – эти родственники, они же все растратят...

- Да-да, деньги к деньгам, - кивнул я. – Так что же, вы говорите, пропало из квартиры?

- Одна очень ценная китайская ваза, набор столового серебра, шкатулка с драгоценностями – еще от прабабушки нашей оставались, она всегда в серванте стояла за кувшином...

- Я смотрю, горе не затмило вам глаза: вы уже убытки прикинули и на счета заглянули, - хмыкнул я.

- А что? Вы меня подозреваете? – понял Митя и набычился. – А мне это к чему? У меня свой бизнес. Завещание и так было на меня написано. Но когда пропадает то, что принадлежит мне по праву...

- Извините, но ведь квартира никуда не делась, вы ее получите, - вмешалась Ксюшка.

- Да что квартира, девушка! - когда речь заходила о деньгах, Митина речь становилась весьма экспрессивной. – На деньги, которые были на счету, можно было как минимум еще одну такую же купить! Это ведь какие убытки! Ну не верю я, что ее смерть – это вот просто случайность - и все!

- Ну хорошо, подскажите мне еще: вы весь последний месяц были в Москве?

- Нет, уезжал в командировку на две недели, на той неделе вернулся.

- Ладно, идите пока, пусть сюда еще кто-нибудь придет. Будем разбираться...

Митя, вздыхая о своем недостаточном богатстве, скорбно удалился, сменившись боевым семейством: Татьяной и «Вовой с ногой». Татьяна тут же обдала нас своим громким голосом:

- Чего вам там Митька наплел? Небось, что любил покойницу вот так вот прям? Ага, как же! Вы его слушайте больше: с детства вот такой жадюгой был! Денег ему мало! Это нам мало! Нам теперь теткин счет на всех делить, а это ж чего? Это ж копейки!

- Татьяна, ты не заводись, - прогудел Вова-с-ногой заботливым тоном.

- Чего «не заводись» вот, чего? Я говорю как есть! Кто ее любил, тетку-то? Да никто, конечно! Но мы хоть люди хоть, у нас совесть хоть есть! Мы хоть как, а с Новым годом поздравим, с днем рождения поздравим, иногда и приедем навестим, и лопатой к себе не гребем! А у нас квартира - две комнаты в пятиэтажке!

- У нас тоже две комнаты, - смеясь, сказала Ксюшка.

Татьяна, не слушая, горевала:

- У меня давление, у Вовы нога, нам сына женить надо, а этот все не нахапается! – она наклонилась ко мне, тяжело сопя и треща штанами. - Я вам скажу вот, между нами, конечно: Митька запросто тетку пристукнул! У него в его бизнесе уже сто лет как все не слава богу. Рассказывали тут женщины знакомые, что он пьет весь, в кредитах по уши весь! Вот и бесится!

- Это мы проверим... Скажите, вы последний месяц из Москвы никуда не выезжали?

- Да ну вы чего, молодой человек! Как не выезжать! – уставилась на меня Татьяна. – Дача-то как же?!

- А, понятно, извините, виноват, - покаялся я, сдерживая желание перекреститься, настолько святым было это про-дачное негодование. – Ладно, идите пока - если что, мы вам позвоним...

Следующим номером шла пьянчужка Марина, которая приперлась с неопрятным мужиком неопределенных лет. Дыша на меня сложной смесью из перегара и сигаретного дыма, она снова принялась ныть о том, что она инвалид второй группы и мать-одиночка, поэтому все наследство должно было достаться ей, а не Мите.

- Мите и так не очень много досталось, - утешил я ее. – А где этот ваш ребенок, про которого вы нам тут так много рассказали?

- Так вот же он! – удивилась Марина, ткнув большим пальцем в неопрятного хмыря, и тут же снова заняла:

- Сейчас какое время, товарищ милиционер, на работу сыну не устроиться, образование нужно, в институт не поступить, деньги надо! А эти в Турцию ездют! А мы с Петей на мою пенсию только и живем!

- А с Региной Петровной вы общались? Заходили к ней в последнее время?

- Старалась заходить, - закивала Марина. – Увидела ведь, что она совсем плохая стала – почти восемьдесят ведь уже...

- Уже пора, - сказал Женек шепотом. Андрюшка болезненно улыбнулся.

- ...Ну вот, я-то сама не столько ходила, тяжело мне, но Петю всегда посылала, чтобы хоть раз в месяц к тетке зашел, принес чего, помог... Помогал ты ведь, Петенька?

- Помогал, - после паузы сообщил пропитым голосом сынок, показав в нехорошей усмешке отсутствие пары зубов впереди.

- Как приятно, когда под конец жизни ты окружен такими помощниками! – не в силах удержаться, воскликнул я и добавил нормальным тоном:

- В последний месяц куда-то уезжали? То есть, извините, куда-то, кроме дачи.

- Дача? Какая там дача у нас, я инвалид, Петеньке некогда! Это Татьяна про дачу вам свою рассказывала, да? – тут речь Марины перешла в змеиное шипение, и она продолжила, брызгая на меня слюной:

- Ты ее еще спроси, ты ее спроси, на какие деньги-то она дачу такую строит?! В три этажа, а? Все приbedняются: квартира у них маленькая. А машина зато большая! А дача еще больше! А деньги они, деньги где взяли?!

Андрей опасливо отодвинулся, поскольку Маринино искаженное лицо подъехало к нам почти вплотную. Петя глядел исподлобья и улыбался с видом уголовника, освободившегося после десятой ходки.

- Ладно, не надрывайтесь так, вам вредно, вы инвалид второй группы, - напомнил я. – Все выясним: и откуда у кого деньги, и кто виноват, и что делать... Кто там остался?

Осталась та самая «Анечка», у которой, по словам Татьяны, «мать спилася вся»: блеклая затюканная жизнью женщина средних лет со вжатыми внутрь лица губами. Впечатление она производила более тихое, чем ее родственники, однако голос у нее оказался весьма резким. Им она и брякнула:

- А что вы от меня хотите узнать? Я Регину Петровну навещала иногда. Она, конечно, старая грешница, но это ее Бог накажет, не мне ее судить. Я старалась со своей стороны все соблюдать, по своему долгу.

Я глубоко вздохнул, понимая, что столкнулся с нередкой разновидностью тетки средних лет под грифом «змея церковная, первый сорт», и только поощрительно кивнул. Анечка продолжала, бросая слова сквозь мелкие зубки:

- Я осуждать не хочу, но правда такая есть. Все они кружились над ней, как стервятники. Все родственники. Митя думал, что подсуетился, а его Бог-то и наказал, - она хмыкнула.

- А вам-то от нее ничего не надо? – полуспросил я.

- А я свое получу. Второй-то счет на всех нас разделят.

- Вы в последний месяц все время в Москве были?

- Нет, на две недели последние уезжала в поездку в благодатные места. Как раз позавчера вернулась, а тут вот так. Ну, Апокалипсис придет скоро, недолго ждать-то, всех нас рассудят, а пока мы все грешники... - она подняла сероватые глаза к высоченному потолку и что-то забормотала.

- А Маринин Петя удивительно на уголовника похож, - подкинул ей наживку я, пока она не окончательно смылась в астрал. Анечка удивительно быстро вернулась в реальный мир и бодро отозвалась:

- Да ведь он и есть уголовник. Он ведь сидел, да еще и за изнасилование, прости Господи. А до того ему условно три года за драку давали. Вот такие люди, Бог им судья.

Судя по мрачной ухмылке, судьей как раз таки была Анечка.

- ...Ладно, - сказал я, быстро прикинув так и эдак. – Идите, отпускаю вас пока. Если что, позвоним и вызовем...

Анечка кивнула и серой тенью выскользнула из комнатки.

- Охохо, - неожиданно подала голос сидящая в кресле консьержка. – А не все ли они ее убили-то, а?

- А вы их всех видели?

- Да, лица знакомые. Реже всего как раз этот Митя приходил, а остальные нет-нет навещались. Обычно перед праздниками.

- А в последнее время?

- Да вот не помню я, молодой человек! У меня же не одни они! Просто помню, что лица знакомые!

- Ладненько, вспоминайте, если чего, скажете...

- А нехило эти родственнички друг на друга бочку катят, - заметил Женек, потягиваясь. – Похоже, у них у всех рыльца в пушку.

- Да, то, что они там катили, надо обязательно проверить. Дача за неизвестные шиши, Митя весь в кредитах, уркаган-Петя и трекнутая Анечка – просто глаза от выбора разбегаются...

Домой мы в этот день явились засветло: адское солнышко бодро сияло на мутном небе. Жарища и дым тоже никуда не делись: Ксюшка, тяжело вздохнув, погладила вяло виляющего хвостом Тобика босой ногой и одновременно потянула через голову платье.

- Уф, я вся мокрая насквозь. Не знаю, как ты, а я в душ.

- Пошли хором, - согласился я, тоже с большим удовольствием сбрасывая футболку.

- А ванная не провалится, если мы одновременно в нее встанем? – засомневалась жена.

- Да ладно тебе, мы вроде еще не доросли до комплекции сегодняшних Тани и Вовы.

- Какого еще сегодняшнего Вовы?

- Ну, у которого нога.

- А, ты про родственников... - Ксюшка дотопала до ванной, открыла холодную воду на полную мощность и принялась с трудом раскручивать пучок волос. – Мерзость какая, правда? Я, конечно, не полицейская, но, по-моему, их хоть всех арестовывай. А ты кого подозреваешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.